

Этому разговору на диване предшествовала такая сцена. Когда мы вошли в комнату и заперли дверь, Баль<монт> вдруг подошел ко мне, положил мне руки на плечо и сказал решительно: «Макс, это так больно, так унижительно (вино). Это было вчера. Я даю тебе клятву, что больше никогда не коснусь вина, ни одной капли. Вот теперь. Клянусь тебе. Это я на тебя с завистью смотрел. Ты так легко и свободно отказываешься от него, без всякого аскетизма. Мне всегда казалось, что неловко отказываться».

Потом мы долго говорили о любви, о ревности, о рабстве, о Е<лене>.

1916 год

1916. Январь. Париж.

Ривера. Огромный, тяжелый. Надбровные дуги крыльями. Короткие, жесткие, черные волосы по всему черепу, вместительному, но местами смятому и вдавленному пучками. Борода по щекам вокруг лица. Лицо портретов Стендаля, тяжелое и значительное. Добрый людоед, свирепый и нежный; щедрость, ум, широта в каждом жесте. Он говорит про себя: «Все мои предки и родственники были военными. И я должен был быть военным. Я изобретал с детства машины. Потом играл в солдаты. У меня было 15 тысяч вырезанных из бумаги и пушки бронзовые. И всех моих товарищей я заставил сделать то же. Я чертил диспозиции и планы кампаний. У меня была такая вот кипа. Однажды отец увидел. Рассердился. “Где ты это срисовал?” – “Я не срисовал, а сам сделал”. Тогда он поцеловал меня и сказал: “Очень хорошо”. И на другой день повез меня к военному министру. Там собрался целый совет стариков. Я перепугался. Они рассматривали мои планы. Потом министр открыл дверь в библиотеку и сказал: “Ты можешь сюда приходить работать, как дома”. Он был другом отца: они каждый день играли в шахматы. Но это и погубило мою военную карьеру: я испугался столько книг, а войну совсем не так себе представлял. Но я увидел в библиотеке модель фрегата. Это меня пленило, и захотелось

быть моряком, потому что <я> думал, что там не надо будет учить столько книг. Для меня устроили отмену закона об возрасте, чтобы поступить в военное училище. Я работал только над математикой, физикой, химией. Но я тогда уже понял, что то, что пленяло меня, – это рисунок, чертеж. Когда перед экзаменом отец спросил: “Доволен ли ты?”, я сказал: “Нет”. Он удивился и сказал: “Что же, ты хочешь быть моряком?” Я ответил: “Нет, я хочу быть художником”. Он помолчал и потом сказал: “Если хочешь, будь”. И отпустил меня в Европу. Он не этого, конечно, ждал от меня. Но никогда не показывал своего огорчения. Мой дед умер 89 лет, за год до приезда в Мексику императора Максимилиана, а отцу в то время было только 13 лет, и он пошел добровольцем на войну против французов. Дед женился, когда ему было за 70 лет. А бабушка вышла за него замуж 15 лет. Это случилось так. Город был новый, и туда ежегодно съезжались на ярмарку. Один местный богач женился и, чтобы дать пышность свадьбе, назначил ее на время ярмарки. Невеста ехала в карете цугом со свитой, а жених за нею верхом. Дед с товарищами смотрели, и при нем говорили, что это возмутительно, что такой старик женится на молодой. Он сам воспламенился, собрал товарищей, перерезал путь свадебному поезду. Была перестрелка, и он отбил невесту и тут же поехал с нею венчаться. У него было 6 сыновей. Это мне сама бабушка рассказывала и говорила: запомни. А в молодости он сражался в Испании вместе с Риго. Но отказался подписать трактат, т<ак> к<ак> хотел республики, а не констит<уционной> монархии.

Когда я был в Астурии, я встречал массу своих родственников: у него там было много детей от крестьянок».

1930 год

Марта 14.

Маруся: «Все акварельки пишешь? Кому это нужно? Ведь это значит ничего не делать. Это г... (крепкое слово). В такое время, когда люди борются за жизнь... Целые дни убивать на это... Сидишь, водишь кисточкой... Гуляй, пиши.